

18+

ДМИТРИЙ ВЕРЖУЦКИЙ

Рыбацкая удача Ивана Ильича

Дмитрий Вержуцкий

Рыбацкая удача Ивана Ильича

«Издательские решения»

Вержущкий Д.

Рыбацкая удача Ивана Ильича / Д. Вержущкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502406-0

В сборник включены ранее не публиковавшиеся рассказы, разные по объему и тематике. Здесь можно найти приключения и обычные зарисовки каких-то бытовых событий, очерки об исторических персонажах, сцены из военного лихолетья и многое другое. Все произведения объединяет равнодушный взгляд автора, колоритность сюжетов и неожиданные изгибы людских судеб. Здесь никого не осуждают и не приводят в пример, а просто показывают картину событий, которые уходят в прошлое, и, возможно, никогда не повторятся.

ISBN 978-5-00-502406-0

© Вержущкий Д.
© Издательские решения

Содержание

ИРКУТСКИЕ ИСТОРИИ	6
Рыбацкая удача Ивана Ильича	6
На болоте	11
ТУВИНСКИЕ РАССКАЗЫ	15
Яловые сапожки	15
Ночью в горах	19
Часть первая. Обрыв	19
Часть вторая. Шестью часами раньше	19
Часть третья. Традиции стационара	20
Часть четвертая. Пропажа	21
Часть пятая. Провинившийся Гена	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Рыбацкая удача Ивана Ильича

Дмитрий Вержуцкий

© Дмитрий Вержуцкий, 2020

ISBN 978-5-0050-2406-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИРКУТСКИЕ ИСТОРИИ

Рыбацкая удача Ивана Ильича

В это утро у Ивана Ильича ощутимо болела спина, а при ходьбе ноющая ломота отдавалась и в левой ноге. «Не иначе, погода скоро испортится!» – заключил он, не заостря внимания на неприятные, но уже привычные с возрастом ощущения. Стрелка барометра на стене, действительно, указывала на приближающееся ненастье. «Клев сегодня должен быть!» Наполнив термос горячим и сладким кофе, он приготовил «тормозок» из пары бутербродов с колбасой и зеленым луком.

Термос был подарком от друзей в Монголии. Когда-то давно, еще при советской власти, несколько раз удалось ему поработать в полевых экспедициях в Хангае, куда его направляли для организации борьбы с чумой. Однажды за ужином Иван Ильич обмолвился, что в нынешнем году уже пятый сезон в этих, красивейших в мире, горах проводит. Впечатленные монгольские коллеги и подарили ему в честь юбилея настоящий китайский термос. Тепло он держал просто замечательно!

– Что – опять на реку? Ну, вот неймайся тебе! Теплица вон, углом просела, два стекла лопнуло – заменить надо! В сених где-то шифер треснул, в дождь с потолка начало капать... Участок в углу у забора обещал ведь перекопать – зарос весь! – ворчала Екатерина Васильевна, сухопарая пожилая женщина, лишь немного раздавленная с возрастом.

Она была на десять лет моложе Ивана Ильича, но хвори одолевали ее чаще. Прошлой осенью они отметили сорокалетний юбилей совместной жизни. Двоих детей вырастили. Внук и внучка время от времени навещали стариков и бесились у них на участке, радуя своим существованием. Катерина привычно попрекала мужа, хорошо понимая, что ничего это ровным счетом не изменит, ведь рыбалка – есть рыбалка, без нее ему никак. Она знала, что вернувшись и отдохнув, Иван, как всегда, с новой силой возьмется за домашние обязанности, и все по хозяйству будет сделано как надо. Но ритуал, тем не менее, следовало соблюдать.

Иван Ильич с января вышел на пенсию. За последние годы любимая когда-то работа в НИИ незаметно и постепенно превратилась в обузу, напрягая суетой и бессмысленностью. По этой причине, да и в силу возраста (как раз стукнуло ему семьдесят лет), он воспринял давно ожидаемое предложение начальства уйти на заслуженный отдых как должное. Настала пора уступить свое место молодым, никуда от этого не денешься.

За годы, проведенные в институте, ему не приходилось стыдиться. Выдающихся достижений, достойных Нобелевской премии, он, конечно, не достиг, но с полсотни неплохих, на его взгляд, статей по результатам своих исследований написал. Часть из них даже цитировали в известных заграничных журналах. Несколько патентов имелось; две монографии и трое «остепенившихся» учеников – пусть небольшой, но хоть какой-то вклад в изучение устройства природы ему все же удалось сделать. Да и просто стать кандидатом наук для бывшего детдомовца – тоже успех.

Было у Ивана Ильича одно, всепоглощающее с детства, увлечение – рыбалка. При каждом удобном случае он направлялся на реку, проводя время, следует признать, с большой пользой для души, здоровья и семейного бюджета. За многие годы практики наш герой достиг большого

мастерства в рыбной ловле, безошибочно определяя – в каком именно месте, в какое время и на какую приманку можно поймать хариусов, ленков или даже тайменей. Соровая рыба – всякие там окуни, сорожки, караси да щуки, его принципиально не интересовала. Какое-то время назад его завлекли в свою компанию институтские болельщики по хоккею с мячом, но походив на матчи несколько лет, он к этому делу постепенно остыл, оставив себе только одно хобби. Выход на пенсию обещал свободу и радовал предвкушением посвятить рыбацким удовольствиям гораздо больше времени, чем ему удавалось выкраивать на них раньше.

Еще лет пятнадцать назад, до начала перемен в стране, скопив денежку, купили они с женой участок в хорошем месте на Ангаре, недалеко от ее истока. Участок занимал шесть соток заросшей бурьяном земли, на нем находилась покосившаяся насыпная хибарка. Развалюшку Иван Ильич снес сразу, а за пару последующих лет поставил на этом месте добротный дом на фундаменте и под крышей из волнистого шифера. Благо, зарплаты тогда в институте платили приличные, на обустройство загородного рая вполне хватало. Вскоре под окнами уже красовались кусты черемухи, во дворе появились высокие грядки и две теплицы под стеклом. Чуть позже в углу выросла и небольшая, но жаркая, бревенчатая банька. Напарившись, и выскочив через калитку, через десяток метров можно было нырять с обрыва в прибрежный омут с бодрящей ангарской водой. Чуть пониже, где берег становился ровнее, расположился сарайчик, сваренный из железа мастеровым соседом. В нем под замком стояла популярная в ту пору в народе лодка «Казанка» с десятицильным мотором «Москва». На ней Иван Ильич почти круглогодично и рыбачил, благо, вода в истоке Ангары лишь в самые морозы схватывалась узкими ледяными заберегами.

В смутные времена, когда в институте совсем перестали платить зарплату, а цены на все устремились в невиданный никем раньше полет, продажа свежей рыбки очень даже сильно выручала их семью. Особенно хорошо пошли дела, когда, благодаря купленной случайно в «Букинисте» книжке, удалось Ивану Ильичу успешно освоить технологию горячего и холодного копчения улова. На стихийном рыночке в туристической «Мекке» Байкала – Листвянке на волнующие запахи копченых деликатесов косяками стекались денежные иностранцы. Необычайно вкусная и экзотическая для приезжих рыба раскупалась влет. Так что, благодаря рыбацкому увлечению Ивана Ильича, пережили они тяжелую для страны пору без особых бед и забот, не впад в полную нищету, как многие их знакомые...

Выйдя в середину русла, Иван Ильич сориентировался по сопкам, сдвинулся чуть левее и повыше по течению, определяя свое заветное, почти всегда уловистое, местечко, расположенное сразу за длинным каменистым плесом, заглушил мотор и бросил якорь. С десятка лодок уже стояли в разных местах по реке. Судя по царившему на них оживлению, клевало у всех очень даже неплохо. Утреннее солнце поднялось из-за горы, синевой резало глаза безоблачное небо. Впереди, в паре километров из совсем недавно освободившегося ото льда Байкала начинала свой долгий путь Ангара. Прямо за озером сверкали белизной заснеженные хребты далекого Хамар-Дабана. С Байкала тянуло слабым ветерком. Мимо, совсем рядом с лодкой, пронеслась небольшая стайка из трех уток – крякв, самец изумрудно переливался зеленым в оперении. Жить было здорово!

Из всех видов приманок, используемых на Ангаре при ловле хариуса, Иван Ильич твердо придерживался только искусственных мушек. Подкрашенные черви, бормаш, «бутерброды», «резинки» – все эти штуки он категорически не признавал. Только «мушки»! Делал их сам, долгими зимними вечерами подбирая подходящие для разных условий оттенки цвета, искусно вплетая в изделия пучки нарезанного черного конского волоса. В этот раз, привычно оценив

время года, освещенность, скорость течения, атмосферное давление и направление ветра, он решительно отобрал из ящика со снастями несколько темно-бордовых мушек с двумя желтыми нитками на брюшке.

Первый заброс спиннинга – и сразу рывок! Несколько минут яростной борьбы, и полукилограммовый хариус, ловко подхваченный в воде подсачком, блестя чешуей, забился на дне лодки. Отвинтив пробку с плоской фляжки, Иван Ильич сделал небольшой глоток за успешное начало. Самогонку двойной перегонки, очищенную молоком, он делал сам, настаивая затем ее на кедровом орехе с лимонной цедрой и добавляя в готовый продукт мед. Напиток, по словам всех его пробовавших, неизменно получался просто божественным!

Дело пошло веселее. Поклевки следовали одна за другой. Сильные рыбины стремительно бросались из стороны в сторону, заходили под лодку, стараясь любыми путями вырваться, и только филигранная работа спиннингом в опытных руках позволяла успешно вываживать даже килограммовых красавцев, сверкающих своим оперением. Азарт захлестывал, время остановилось. Сняв с крючка очередную добычу, он вдруг почувствовал, что устал, и пора сделать перерыв. Улов уже был хороший. Больше двух десятков отличных крупных хариусов лежали на дне лодки, время от времени резко изгибаясь и подпрыгивая, в попытках вернуться обратно в родную стихию. Глотнув еще раз из фляжки, Иван Ильич доел оба бутерброда и налил в кружку кофе из термоса.

– Хорошо-то как, Господи! – вслух выразил он свои переполнившие душу чувства и снова огляделся.

Большинство рыбацких лодок еще стояло на якорях, но некоторые уже бросили закидывать снасти и, явно поторапливаясь, направились к берегу. Небо заволочло белесой мглой, все в природе стихло и замерло в предчувствии чего-то надвигающегося, пока непонятного, но определенно нехорошего. Допивая вторую кружку кофе, Иван Ильич вспомнил утреннюю ломоту в костях и удовлетворенно кивнул: «Ну, конечно же! Погода портится, уже как синоптик стал!» Снова более внимательно рассмотрев облачность над лесистыми сопками, прижатые к реке, он не заметил явных признаков совсем близкой угрозы. «Кто боится – тот в море не ходит! Ладно, еще пару-тройку хвостов ловлю – и домой! А то, в самом деле, припутает – мало не покажется!»

Рыба клевала как дурная. Он не успевал забросить, как спиннинг уже рвал из рук новый стремительный обитатель глубин. Каждый следующий оказывался крупнее предыдущего! С трудом вываживая очередного хариуса, весом, по его прикидкам, побольше полутора килограммов, Иван Ильич натурально – позвоночником – внезапно почувствовал неладное...

Бросив взгляд на реку, увидел как несколько последних лодок на полной скорости удирают, подходя уже к самому берегу. Оглянувшись назад, он похолодел. В небе прямо перед ним, в каких-то немногих сотнях метров, клубился, переливаясь разными оттенками грязно-серого цвета широкий неровный валик, упирающийся концами в сопки по обоим берегам реки. Он стремительно надвигался, за ним зияла чернота, похоже, что это была чернота Преисподней.

Хариус совершил бешеный рывок, Иван Ильич, едва не выпустив из рук удилище, резко повернулся и, мгновенно забыв про опасность, просто на автомате, сделал пару проводок, не желая потерять столь крупную добычу. Внезапно в небе гроыхнуло, свет погас, и он, не успев ничего сообразить, оказался в глубине воды. Отбросив спиннинг и рванувшись вверх, он всплыл, но больно ударился обо что-то головой. В темноте вокруг был воздух, внизу плеска-

лась вода. Быстро протянув руки и ошупав то, до чего он смог дотянуться, Иван Ильич понял, что находится под перевернутой лодкой. Набрал побольше воздуха, он нырнул. Всплыв рядом с лодкой с подветренной стороны и держась за борт, быстро оценил обстановку.

Все оказалось плохо. Полутора-двухметровые волны в бешеной пляске то и дело накрывали и его и лодку. Их гулкий рев и пронзительный свист ветра оглушали. Неожиданно на небе, прямо над головой, ослепительно сверкнула длинная разлапистая молния, секундой позже сверху раздался чудовищный грохот. «Боже, спаси и помилуй! Так, но отсюда же до берега – метров триста, не меньше. Не доплыть, однозначно...». Иван Ильич судорожно перебирал варианты спасения, но их не было. Вода в истоке Ангары идет из глубины Байкала – температура в мае плюс два градуса. Если активно двигаться, может быть, минут пять, ну, пусть шесть-семь, в лучшем случае, получится продержаться. Но помощи в такую погоду, все равно, ждать неоткуда.

«Так. Спокойно! Помочь некому. Ты должен спастись сам. Доплыть. Это невозможно, но ты доплывешь! Другого выхода нет. Время играет против тебя, сейчас каждая секунда дорога! Вперед!» Иван Ильич, изловчившись, сбросил с себя телогрейку, скинул резиновые сапоги-бродни и, оттолкнувшись от лодки, рванулся в сторону берега...

Плыть оказалось очень трудно. Удары волн непрерывно и хаотично били и крутили его. Руки, пытающиеся грести, то и дело проваливались в пустоту. Нормально дышать не получалось – вода находилась всюду и захлестывала и рот и нос, с размаху била по глазам, не позволяя правильно выбирать направление. Ветер дул в сторону Байкала и плыть приходилось почти перпендикулярно волнам. Вскоре Иван Ильич обнаружил, что его заметно сносит, эта мысль на секунду его ошеломила. Ведь, если он не попадет на мыс возле поселка, то его понесет в залив и путь до берега увеличится еще метров на двести. А это – точно конец...

Мысли работали четко и ясно. Он нырнул и под водой снял с себя куртку, которая заметно сковывала движения. Вынырнув, хватанул, сколько получилось воздуха, и снова ушел под воду. Здесь было тихо. Все раннее детство, пока были живы родители, Иван Ильич проводил на Черном море, и соревнования с пацанами – кто дальше пронырнет за один раз – всегда были у него в числе любимых.

Всплытие, глоток воздуха, нырок. Пять, семь, десять взмахов руками. Снова всплытие, воздух, нырок... Холодно, черт, как же холодно! Семь, восемь, девять, десять, всплытие! Воздух, мало воздуха! Еще глоток, нырок! Раз, два, три... Холодно... Двигаться, двигаться, двигаться! Вперед!!

«Да, вот же он берег... Рядом... Метров двадцать... Но сил уже нет... И холодно... Похоже, что все – больше не смогу нырнуть... Финита ля...» И тут до Ивана Ильича, через окружающий шум, неожиданно донеслись чьи-то громкие голоса.

По берегу, с ужасом и изумлением наблюдая безумство стихии, прогуливалась парочка – мужчина и женщина с близлежащего санатория. Закутанные в плащи, они, стараясь перекричать грохот и вой урагана, обменивались восторженными эпитетами о происходящем.

- Сень, слушай, я никогда такого не видела! Никогда в жизни!!
- Ты права, милая! Как здорово!! Просто нереально!!

– Ой, Сеня, смотри – а тут термос красивый к берегу прибило! Хороший термос! Китайский! Давай, себе заберем!

На этих словах, в угасающем сознании Ивана Ильича что-то вспыхнуло. «Ах, так! Термос они заберут!! Его термос!! Он здесь тонет, а они его термос прибирают!» Зло прокатилось по совершенно умотанному, замерзающему телу и внезапно придало ему новых сил. Он снова набрал воздуха в легкие и опять нырнул, яростно устремившись в сторону берега...

«Пять, семь, десять, двенадцать, пятнадцать!», – его колено задело о камни. – «Берег!!»

Изо всех оставшихся сил он сгруппировался и пружиной вылетел из воды. Иван Ильич с молодости для придания нужной в научном мире солидности носил бороду и длинные волосы, частенько затягивая со сроками стрижки. Так получилось, что очередная огромная волна как раз вздыбилась у берега, и на самой ее вершине оказался поднятый по пояс Иван Ильич с огромной спутанной гривой волос, в тельняшке, с распростертыми в стороны руками, сверкающей яростью в глазах! Громовой голос хоккейного болельщика перекрыл шум бури :

– А ну, падла, положи термос!! Удавлю, ворюгу!!!

Вылетевшее с оглушающим матом из бушующих у берега волн фантастическое создание, видимо, произвело на бедных курортников совершенно неизгладимое впечатление. На долю секунды остолбенев, они заорали от ужаса и, бросив на траву злополучный термос, с невероятной прытью рванули в сторону своего санатория, боясь оглянуться и продолжая непрерывно вопить от страха.

Иван Ильич, подхватив термос, как и был в шерстяных носках, тоже помчался домой, благо – до него оставалось немного. Двести метров он пробежал на одном дыхании. стакан самогонки и уже натопленная баня оказались вполне действенным средством от перенесенного шока и для сохранения здоровья. Удивительно, но с его слов, даже простуды легкой он тогда не подхватил...

Что там любители прогулок в непогоду из числа отдыхающих рассказали в санатории о случившемся с ними – вряд ли кто сейчас вспомнит, но легенду о «Байкальском дьяволе», появляющемся из пены волн во время урагана, мне однажды приходилось слышать от местных жителей...

На болоте

Однажды, удивительно теплым для Сибири, июньским вечерком, я сидел на краю тормозной площадки грузового вагона, спустив ноги в кедах на вторую ступеньку. «Товарняк» стоял недалеко от города, как раз посередине Ново-Ленинских болот, называемых всеми так из-за городского микрорайона, граничившего с этими природными угодьями. С обеих сторон полотна дороги крутые откосы вели в непролазные топи. Судя по всему, где-то перед головным тепловозом горел красный свет. Он не пропускал состав на уходящую дальше и дальше железнодорожную магистраль, по которой, через пять с небольшим тысяч километров, можно достичь большого столичного города, называемого Москвой.

Солнце садилось. Болотная живность суежилась и хлопотала, стараясь полностью использовать каждую минуту такого чудесного вечера для добывания пищи, кормления уже появившегося у большинства потомства и прочих хозяйственных забот. Перед площадкой находилась небольшая, метров двадцать в поперечнике, заводь, окруженная зарослями камыша и тростника по периметру. В середине, чуть выше уровня воды, располагался небольшой островок. На краю, немного наискосок, лежало бревно, тоже покрытое разной околотоводной растительностью. На нем сидело и дружно занималось хорovým пением с полдюжины мелких лягушек.

Время от времени сюда подплывала ондатра с пучком водорослей во рту. Она перебиралась, распугивая лягушек, через препятствие, достигала другого конца островка и, нырнув, исчезала в подводном входе в свою хатку, возвышавшуюся кочкой недалеко от берега. В воздухе стоял, ни с чем не сравнимый, сложный болотный запах, вмещавший оттенки водной свежести, гниющих растений, перемежаемый ароматами разнообразных цветущих растений, тоже пытающихся все успеть за столь короткое в наших краях лето.

Лягушачья капелла с заводи соревновалась в вокальных достижениях с другими, вдохновенно распеваящими во всех концах обширного озерно-болотного пространства. Их дополнял щебет, писк и гомон множества пернатых обитателей этих мест, создавая причудливый звуковой фон угасающему вечеру.

С заходом солнца быстро стемнело. Состав так и стоял посередине болота, терпеливо дожидаясь разрешения на продолжение пути. Последняя сигарета закончилась. Щелчком я отправил окурочек в полет, целясь в уже исчезающее в сгущающихся сумерках бревно на островке. До него от края железнодорожной насыпи было недалеко, метров семь-восемь. Бычок не долетел, упав в покрытую ряской воду, и, коротко зашипев, погас. Лягушки замолчали и с шумом попрыгали с бревна.

Бревно на моих глазах сдвинулось с места и снова замерло. «Да что это за хрень?» Я закрыл глаза и замотал головой. Снова повнимательнее взглядевшись, обнаружил, что бревно уже лежит прямо посередине островка! И тут... Во вдруг наступившей тишине, откуда-то из глубины болота неожиданно раздался леденящий душу вой, через несколько секунд перешедший в жуткое пронзительное причитание, также внезапно прекратившееся... Спина мгновенно взмокла, снизу по ней прошла волна холода, растекшись острыми иголками по затылку. А бревно... «Господи, спаси и помилуй!» Бревно развернулось и короткими рывками двинулось в мою сторону! Не в силах пошевелиться, я замер от ужаса, смотря на приближающуюся болотную нечисть...

...

В этот день, утром, проснувшись от лучей солнца, бьющих в окошко деревенского домика, я блаженно потянулся, чувствуя себя совершенно счастливым. Топилась печка, в доме было тепло. Бабушка уже побрякивала кастрюлями, что-то вкусное готовя на завтрак. Судя по скворчанию сковородки и знакомому с детства запаху, это были оладьи. Дед за окном разговаривал с собаками, внушая Пирату мысль, что петуха не следует так сильно трепать. А что клюется и набрасывается – ну что делать, он хозяин в курятнике, надо его уважать.

С потолка быстро спустился на паутинке крошечный паучок. Повисел в полуметре над одеялом, подумал и, ловко перебирая лапками, вернулся обратно. Необъяснимая радость снова нахлынула и заполнила все мироздание. Единственный неприятный червячок, сидевший глубоко внутри и время от времени зудивший, что вечером надо ехать в город, а послезавтра сдавать очередной школьный экзамен, почти перестал о себе напоминать.

Проведя последний день отдыха в лесу с собаками, я вернулся с рюкзаком толстой и длинной черемши и корзиной стручков. Перекрученная с томатной пастой черемша, закатанная в банки, у всех гостей пользовалась неизменным успехом, и запасов этого деликатеса редко хватало до Нового года. Из стручков, предварительно прокипятив грибы и слив отвар, бабушка соорудила на ужин дивную жарену с картошкой, которой мой организм насытился до полного осоловления.

В город собирался ехать на второй электричке. На нее я всяко должен был успеть, но мой путь на перрон нежданно перегородил неторопливо идущий в гору длинный товарный поезд, груженный углем. Посмотрев вслед уходящей электричке, я не особенно и расстроился. Когда тебе семнадцать лет, и половина этого времени прожита на железнодорожном полустанке, такие вещи не воспринимаются как проблема.

Протопав полчаса по шпалам, я сбросил рюкзак на уютной полянке между молодых сосенок рядом со входной стрелкой железнодорожной станции Перевальная. Здесь обычно при-тормаживали «товарняки», идущие в сторону города. На один из них мне и удалось заскочить, выбрав вагон с тормозной площадкой. Площадка находилась с подветренной стороны вагона, что очень порадовало. Устроился я на откидном сиденье, подстелив кусок брезента из рюкзака. В рюкзаке находилась еда.

В городе в те времена было голодно, на полках магазинов теснились коробки с серой вермишелью и комбинжиром, серый же хлеб, перловая крупа и пачки с морской капустой. Что-то другое иногда «выбрасывали» в продажу, но приходилось отстаивать огромные очереди. Сейчас бабушка снабдила меня и родителей копченой курицей, литровой бутылкой деревенского молока, а также тремя большими пирогами в наволочке – с мясом, с рыбой и с брусникой.

На дне рюкзака лежал холщовый мешок с ведром картошки, морковью, свеклой и вилком капусты. В середине, завернутая в несколько газет, находилась банка с клубничным вареньем. Впереди мне предстояли еще три экзамена, к которым надо было готовиться. Когда я снова смогу приехать – пока неизвестно. Поэтому заботливая бабушка и набила рюкзак с запасом, чтобы любимому внуку, дочери и зятю не пришлось в городе голодать.

Когда состав миновал окраины, а вдали показалась крыша моего дома, он не стал тормозить, а, наоборот, бодро прибавил ход. С раннего детства выросший рядом с железной дорогой

и знакомый со способами остановки товарняков, я свесился с площадки и ухватился за тормозной рычаг. Не тут-то было! Он оказался намертво приржавевшим!

Осторожно перебравшись по лязгающему буферу к стенке соседнего вагона, уцепившись за железную скобу в ее торце, наклонился и подергал рычаг тормоза у другого вагона. Результат – тот же! Сделав несколько попыток и убедившись в их бесполезности, я вернулся на свою площадку, размышляя – «Ну, и что же теперь делать?» С надеждой посмотрел вверх – нет, вагоны высокие, контактный провод низко. Если попытаться перелезть по крыше на другую сцепку – можно зацепить провод и получить током так, что мало не покажется. Остается ждать, когда поезд где-нибудь сам остановится...

Состав на полном ходу проскочил пассажирский вокзал, затем мост через реку, вокруг потянулась бескрайняя череда озер и болот. Через какое-то время товарняк, металлически лязгнув буферами, внезапно дернулся, послышался скрежет тормозов, и, спустя еще пару минут, поезд остановился прямо посередине уже описанного болотного великолепия...

...

Жуткое чудовище добралось до берега и поползло вверх по насыпи, прямо ко мне. В темноте невозможно казалось разобрать – что это или кто это. От него несло зловонием болотной тины и еще чего-то знакомого, но омерзительно-неприятного. Поравнявшись с краем вагона, кошмарное создание протянуло откуда-то появившиеся конечности к нижней ступеньке площадки, ухватилось и, приняв вертикальное положение, полезло вверх.

Я, заорав что-то типа: «Пошла отсюда, гадина!», начал яростно отпинываться, резонно считая, что вместе нам на площадке будет не совсем комфортно. Тем не менее, это чудо-юдо оказалось настырным и, что-то нечленораздельно мыча, упорно лезло вверх...

После очередного удачного попадания ногой, с верхней части отвратительной нечисти свалился огромный ком водорослей. В свете появившейся сзади меня луны обнаружились включенные мокрые волосы, широко раскрытые глаза и белые зубы. От следующего яростного пинка человек (а это был именно человек!) шатнулся и скатился обратно под откос. Последовал взрыв отборного мата, видимо, водоросли, тину или что там ему мешало говорить, он тоже выплюнул. Легкий порыв ветра со стороны болота развеял все сомнения – от незнакомца нанесло мощнейшим перегаром...

– Братан, ну, помоги ты, ептыть! Будь человеком! – уже просительно донеслось снизу.

Соскочив с площадки, я спустился с насыпи и помог ему встать. Совместными усилиями удалось затащить не слишком большое тело на площадку. Сев на пол, он мутно огляделся и, пытаясь сфокусировать на мне взгляд, спросил:

– А ты, епана, кто?

– Человек. А ты?

– Чё, блин, вымогаешь, что ли? А вообще, епта, где это я?

– В товарняке на болоте.

– Ага, понятно, – сказал он и задумался.

Ему было, на мой взгляд, лет двадцать пять – тридцать. Несколько раз парень с трудом поднимался, держась за стенку вагона и парапет подходил к краю площадки, вглядывался в непроглядную окружающую темень и, махнув рукой, возвращался обратно. Худое тело бедо-

лаги облегал мокрый, с прилипшими лафтами водорослей и тины, рабочий комбинезон, на ногах имелись, хлюпавшие при каждом шаге, кирзовые сапоги. С одежды стекала грязная вода. Периодически его начинала колотить крупная дрожь.

– Блин, замерз-то как, сцуко... Слышь, братан, а закурить есть?

– Нет, кончилось.

Снова помолчав, парень опять огляделся и, обнаружив, что состав тронулся, снова задал вопрос:

– И куда это мы, блин, теперь едем?

– Честно – не знаю! Куда-то в сторону Ангарска... Я – до ближайшей остановки.

Поезд, перестукивая на стыках рельс, резво набрал ход. Наш разговор, то и дело прерываясь, тем не менее, продолжался, постепенно проясняя общую картину. Все оказалось достаточно прозаично.

Выяснилось, что Гена (так звали незнакомца), строил с бригадой какой-то производственный цех на окраине болота. После смены все они в балке крепко выпили – у кого-то сын родился. А у него зазноба, Любка, неподалеку в своем доме живет. Разговор на какое-то время свернул на описание разнообразных Любкиных достоинств и недостатков, но затем, все же, снова вернулся к выяснению обстоятельств его появления на этой площадке.

Из рассказа следовало, что сильно захотел парень свою пассию в этот вечер провести... Вокруг обходить далеко, а через болото короткая тропка ведет. Вот он и пошел, но по пути где-то сморило... Как он не захлебнулся в той заводи – для меня так и осталось непонятным. Впрочем, пьяным часто везет...

Пару раз поезд притормаживал, но недостаточно – прыгать было рискованно. Затем, наконец, сильно замедлил ход, Гена прыгнул первым и закувыркался под откос. Я, со своим драгоценным рюкзаком, не решился на такую акробатику. Только через полчаса состав еще раз резко затормозился, причем как раз возле перрона очередной станции. Улучив момент и обняв рюкзак, я спрыгнул, но все-таки тоже не смог удержаться на ногах.

Сгруппировавшись и кувыркаясь по перрону, чутким ухом я различил два звука: «Дзинь!» – это разбилась банка с клубничным вареньем и «Чмок!» – открылась бутылка с молоком... Клубнику, прямо в газетах с битым стеклом, пришлось выбросить в станционную урну. Остальные продуктовые припасы я все же решил донести домой.

Ободранный, со ссадиной на скуле и царапинами на руках и ногах, с разорванной до колена штаниной, на дежурной ночной электричке глубокой ночью я вернулся в город. В четыре утра ввалился домой, набравшийся ярких впечатлений и жаждущий отдыха. Затем был душ, диван и долгожданный, но беспокойный сон, с невероятным разнообразием являющихся водяных и прочих кикимор...

К моему удивлению, пропитанные молоком пироги оказались утром, как-то по-особому вкусными и нежными! Не иначе, какое-то колдовство болотное подействовало...

ТУВИНСКИЕ РАССКАЗЫ

Яловые сапожки

Склоны гор и приречные террасы уже почти везде освободились от снега. Лиственницы и тополя в пойме стояли голые, распутив в стороны безжизненные ветви. У багульника, вытянутыми куртинами прижавшегося к нависающим скалам, только начали набухать почки. В начале мая они дружно раскроются розовым великолепием, и вся долина превратится в нереально яркий волшебный сад. До этого оставалось не слишком и долго – всего только месяц.

Лагерь стационара они успели за два дня полностью развернуть. Пять армейских палаток-десятиместок, вцепившись в каменистую землю проволочными растяжками и ребристыми железными кольшками из арматуры, выстроились в ряд на высокой приречной террасе. Самая верхняя использовалась начальником и специалистами, за ней шли склад и кухня-столовая. В последней, за загородкой из пары простыней, устроилась пожилая повариха Таисия Ивановна. Дальше стояли еще две палатки – первая для бичей (сезонных рабочих), которых нынче насчитывалось целых восемь душ; последняя служила обителью для техника Валеры и шофера Василия Степановича. Валера учился заочно в институте, где как раз шла сессия, он обещал появиться через неделю. Там же временно устроились и водители двух грузовиков, задействованных для заброски имущества стационара. Завтра утром они должны были возвращаться обратно в город, на противоэпидемическую станцию.

Еще ниже, метрах в двадцати, огороженный невысоким заборчиком с тремя натянутыми рядами колючей проволоки, располагался лабораторный блок из двух палаток. К калитке у входа уже прибили прямоугольник фанеры, на нем виднелся художественно выжженный череп с костями, а также присутствовала надпись, гласившая, что заходить внутрь запрещено. В дополнение картины развернутого экспедиционного лагеря, на высоком берегу у самой реки белела выцветшим брезентом баня.

В окружающих горах пока еще мирно сосуществовал с приезжими и местными жителями природный очаг чумы – самой страшной болезни, с которой только сталкивалось человечество за всю историю своего существования. Возбудитель этой напасти жил в глубоких норах в мелких насекомых – блохах, время от времени вызывая заболевания среди сусликов, пищух и сурков. Главной задачей стационара и было слежение за этим очагом для того, чтобы вовремя заметить опасные признаки его повышенной активности. Если случится такое, выставят сюда большой отряд, проведут все нужные работы, чтобы не заболели люди, и инфекция не начала своего очередного победного шествия по странам и континентам.

До отъезда машин и начала основных работ Сергею, как начальнику стационара, следовало провести еще одно стратегически важное мероприятие – общую пьянку. Полезность организации этого действия, на взгляд дилетанта, незнакомого с длительной экспедиционной жизнью, естественно, кажется сомнительной. Тем не менее, опыт однозначно говорил о целесообразности и даже необходимости совместного распития алкоголя в отряде именно в первые дни перед полугодовым полевым сезоном. И хорошо напоить следовало всех.

Смысл этого действия заключался в том, чтобы сразу выявить отъявленных хулиганов и просто «гнилых» по жизни бичей. Таким на следующий день выдавался расчет за проработанные дни, с уходящими машинами их отправляли в город. Как правило, в каждый сезон

находились одна-две личности, с которыми, чтобы в дальнейшем не возникало неожиданных проблем, приходилось как можно быстрее расставаться.

Состав рабочих на этот раз оказался довольно пестрым. Только двое приезжали сюда раньше: Очур Ховалыг, хозяйственный парень-тувинец, родом откуда-то из-под Чадана, и Лешка Звягинцев, спокойный, тертый жизнью бич, пятый год кочующий по полевым отрядам противоэпидемической станции. Остальные появились здесь впервые.

Двое молодых ребят, бывших студентов, Мишка и Женька, отчисленных по результатам сдачи первой же зимней сессии, прибыли из Барнаула, заранее списавшись со станцией. Мишка, большой и неторопливый хлопец, оказался родом из-под Чернигова, Женька был алтайский, мелкий по сложению, но более шустрый и гордый на затеи. К этой парочке сразу же прилипла кличка «Камаз с Прицепом». Они надеялись откосить в экспедиции от призыва до осени, а там попробовать восстановиться в своем институте.

Следующие двое невысоких, средних лет бичей, блондинистый Витек и чернявый Генка, оба в колоритных наколках, явились, отсидев один меньше, другой больше. Впрочем, у каждого отбытый по лагерям срок был далеко не первый. У Витька во рту желтела благородным металлом фикса, у Генки два передних зуба отсутствовали, и он заметно шепелявил. Эти парни освободились из мест лишения свободы лишь две недели назад и еще не пришли в себя от навалившегося счастья вольной жизни.

Кроме перечисленных, в этом году на стационар завербовались два пожилых мужичка-пенсионера – Иван Маркелыч и Василий Данилыч. Оба оказались призваны по возрасту в сорок четвертом и повоевать успели, имели и ранения и медали-ордена. Маркелыч приехал из Красноярска заранее, узнав через знакомых о наборе в полевую партию. Был он молчалив, невелик ростом, сух, но довольно еще крепок. До выезда отряда неплохо помог со сборами, да и на самой станции проявил себя хорошо с разными хозяйственными делами. Соображал он во всем, умел и по дереву, и по электрике, да и в кузне что-то понадобившееся тоже отковал в легкую.

Данилыч появился на станции и устроился в последний день перед выездом. Видно было, что до пенсии служил он в каких-то начальниках и не перетрутился. Статью не обделен, гладок, вальяжен, сразу предупредил, что внештатным корреспондентом республиканской газеты подрабатывает. Знакомый, трудившийся раньше на станции, посоветовал ему в горах сезончик провести, чистым воздухом подышать, здоровья набраться. Ну и денежку кое-какую подзаработать, чтобы осенью в Крым скататься. В прошлом году Данилычу, как ветерану, путевку бесплатную дали, и уж очень сильно ему там понравилось. Решил он осенью предстоящей уже самоходом на море съездить, да и отдохнуть можно будет от души, если денег в кармане в достатке окажется.

Гулянка шла по накатанной. Среди разномастного народа явных проблемных личностей на этот раз не оказалось. Лешка и Очур блаженно улыбались, больше слушая, чем говоря. Генка с Витьком развлекали всех блатными историями про легендарные побеги из лагерей, про умного зека и глупого опера, про смазливую и покладистую врачиху в санчасти. Бывшие студенты тоже расслабились и принялись вспоминать девчонок-сокурсниц и разгульную жизнь в общежитии. Данилыч не отставал, заливая про свои многочисленные, судя по некоторым деталям, по большей части выдуманные, курортные романы. Таисия Ивановна тоже немного выпила и бдительно следила, чтобы никто не забывал закусьвать. Периодически она пыта-

лась сподвигнуть всех на исполнение народных песен, но отклика пока не находила. Водители сидели отдельной группкой в конце стола и серьезно обсуждали – как правильно скрутить показания одометра для экономии бензина, столь нужного их личным «москвичам» и «жигулям». Маркелыч, погруженный в себя, сосредоточенно думал о чем-то, разглядывая дно эмалированной кружки и молча пил.

Убедившись, что все идет спокойно, Сергей вышел за дверь. За окнами палатки уже стояла темнота. До восхода луны оставалось с полчаса, не больше. Ветер почти стих. С разных склонов долины, перекрывая шум речного потока, перекликались две совы. Истосковавшийся за зиму по природе и измученный городской суетой, Сергей с наслаждением втянул в себя такой знакомый и волнующий запах ночного леса. «Ладно, кипиша сегодня, похоже, не будет. Еще часок посидим и спать!», – заключил он, сходил в свою палатку и развел водой еще одну порцию спирта.

– Все здесь лечатся, не пьют, разливай, пока дают! – Сергей выставил бутылку на стол и сел сбоку на лавку. Выпить они не успели.

Маркелыч, ни слова не говоря, спокойно поднялся, вытряхнул оставшийся кусок хлеба из большой эмалированной миски на стол и резко, с нахлестом от себя, рубанул ее краем сидевшего напротив Данилыча. Тот заорал, схватившись за лицо и разбрызгивая кровь, вскочил, споткнулся об лавку и упал возле железной печки. За какое-то мгновение Маркелыч перелетел через стол и принялся с остервенением бить лежащего Данилыча подхваченным с пола поленом по голове, периодически добавляя к экзекуции яростные пинки и что-то нечленораздельное крича. Избиваемый тонко визжал от ужаса, ужом отползая в сторону и заслоняясь руками от града ударов. Студент Женька сориентировался быстрее всех, подскочил, обхватил сзади зачинщика драки и, сделав подкат, свалился с ним на землю. Подоспевшие Сергей со Степанычем помогли скрутить и утихомирить возмутителя спокойствия.

Данилыч, утерев рукавом с лица кровь, приподнялся, встал на четвереньки и таким способом спрятался в углу за сундуком. По пути он жалобно подвывал и всхлипывал:

– Да не я это... Да я же разве мог, Иван? Да никогда! Это же кто-то из второй роты!

Народ столпился вокруг. Никто ничего не понимал. Таисия Ивановна охала и ахала, причитая: «Да как же так-то? Да что же это такое? Убил же, совсем убил!» Маркелыч рычал от ярости, пытаясь вырваться и окончательно добить Данилыча. Все его некрупное тело переполняла настоящая злоба. Глаза были бешеными. С трудом удалось утащить Маркелыча в другую палатку, к техникам.

– Да я же ж, тоже не сразу Ваську-то, эту гниду, узнал! Столько лет прошло... Вот тварь!! И живет ведь – как ни в чем не бывало! Да такую мразь к стенке сразу надо ставить!!

– Так, спокойно, Иван Маркелыч! Остынь! Ты что завелся-то? Тебя какая муха укусила? Что случилось-то? – такой расклад для Сергея оказался полной неожиданностью. От кого угодно из нынешнего своего контингента разборок и драки сегодня ожидал, но никак не от пенсионеров. Маркелыча натурально трясло от ярости. Говорить внятно он поначалу почти ничего не мог. Постепенно, после двух кружек чая со спиртом и десятка выкуренных папирос, картина прояснилась.

Как оказалось, воевать они оба с Данилычем закончили под Кенигсбергом. Последние месяцы боев крепко сдружились – однажды, выйдя из госпиталей, в одну роту попали. Тут и выяснили, что земляки, с соседних районов на Енисее. С одного котелка хлебали, одной

шинелью прикрывались, не раз друг друга от верной смерти спасали. В июле сорок пятого началась у них в полку частичная демобилизация. Слухи уже давно ходили, и все заранее готовились к этим радостным событиям.

Маркелычу удалось разжиться замечательными, из офицерского сукна, галифе и гимнастеркой. Узнав, что в соседнем городке при госпитале один санитар отлично шьет сапоги, воспользовавшись подвернувшимся случаем он сумел туда попасть и сделать заказ. Умелец драл за свою работу не по-божески, пришлось отдать практически все ценное, что у него было. Остался только красивый платок в подарок матери. Сапожки из яловой кожи вышли, и правда, знатные. Думал, когда вернется домой, все обзавидуются, да и сносу таким обувкам точно не будет. И девки в деревне с ума сойдут, как пить дать...

В мечтах о родной сторонке, о такой желанной встрече с родными, медленно тянулось время. Надежды быстро отбыть домой и не было – поначалу стали отпускать только тех, кто долго повоевал. Используя свое знакомство с кем-то из штабной obsługi, друг Вася сумел подсуетиться и быстрее всех в их роте получил все нужные бумаги. Проводины ему устроили на широкую ногу, выпили крепко. А утром, когда Иван проснулся, сапог у него в мешке уже не было. И платка для матери тоже...

Ни про сапоги, ни про платок, он никому, кроме своего закадычного друга, не рассказывал. Шофер, отвозивший рано утром демобилизованных на станцию, когда вернулся, сказал, что, мол, «приятель-то твой в таких классных сапогах домой поехал, даже завидно! Не знаешь – у кого это он пошил?»

Через несколько лет после войны съездил Маркелыч в то село, откуда друган его родом был. Да не застал никого – соседи сказали, выправил каким-то способом Василий паспорт и завербовался на север. На обратном пути, в буфете на вокзале, сцепился злой и крепко выпивший Маркелыч с местной шпаной, да и милиционера подскочившего ножом сгоряча пырнул... Отсидел полностью. Да много чего еще в жизни у него потом было. И топтала его судьба и ласкала, по-всякому случалось. И вот такая встреча с «лучшим другом» через сорок с лишним лет...

Утром, съездившийся и испуганный, Данилыч уехал с машинами в город. Больше про него ничего никто не слышал. Маркелыч же после всего неожиданно преобразился. Чувствовалось, что сбросил он с себя какой-то давний давящий душу груз. Работал с удовольствием, весь инструмент в отряде привел в порядок – топоры-лопаты наточил, ломы оттянул, капканы все отремонтировал. С людьми ладил, да и отдыхать умел с душой. Все очень удивились, когда из рюкзака достал он однажды настоящую гармонь. Владел этим инструментом Маркелыч виртуозно, знал много старых песен, голос и слух у него имелись. С Таисией Ивановной удивительно красиво выводили они в два голоса самые сложные напевы. Проведя на стационаре все шесть месяцев, появился он и на следующий год. И снова честно отработал весь сезон. Потом его следы тоже потерялись.

Кто знает – жив ли он, или нет уже на свете старого фронтовика. Мало их совсем уже осталось, последние покидают этот мир. Уходят из жизни, унося с собой все свои воспоминания, все встречи и события, и добрые и не очень...

Ночью в горах

Часть первая. Обрыв

Надежда, что на самом перевале станет хоть немного светлее от открывшегося неба, оказалась напрасной. Облачность сгустилась, четвертушка луны должна была появиться только ближе к рассвету. Что называется – «видимость – ноль». Сергей, стараясь не делать резких движений, очень медленно шел вперед, протянув перед собой руки, чтобы не врезаться лицом в какой-нибудь ольховый куст или в сухую ветку лиственницы. Он аккуратно обстукивал сапогом щебнистый грунт, прежде чем сделать очередной шаг и перенести вперед тяжесть тела. Двигался по гребню, стараясь не уклоняться от прямого направления. По его прикидкам, идти оставалось еще метров двадцать-тридцать, не больше, потом следовало повернуть влево на тропу и начать спуск по лесу. Ничего необычного – он уже не раз здесь ходил ночью, правда, с такой непроглядной теменью на перевале еще никогда не сталкивался. И тут, при очередном шаге, его правая ступня не нашла никакой опоры и провалилась...

Сергей тут же присел на левой ноге, привычно опустил на землю и, уже полулежа, еще раз пошарил сапогом впереди, но снова безрезультатно – прямо перед ним склон резко обрывался вниз. «Нет, ну, надо же, блин, какая темнотища! Так ведь, правда, ступишь неловко и – прощай, Вася!» Он достал из нагрудного кармана «энцефалитки» коробок, чиркнул спичкой и попытался при колеблющемся слабом свете рассмотреть – что там впереди. Во тьме удалось различить только узкую линию обрыва, на самом краю которого он, собственно, и оказался. Дальше ничего, кроме завораживающе бездонной тьмы, не было видно. Упираясь руками и пяткой одной ноги в щебенку с острыми камнями, Сергей ползком на спине плавно переместился немного назад. Затем так же осторожно повторил движение, отодвигаясь от края опасной пропасти. Пошарив вокруг, поднял небольшой камень и кинул вперед. «Двадцать один, двадцать два... двадцать пять» и снизу послышался удар камня о камень. «Ничего себе обрывчик – прямо тут, у самого края, сразу на полтора метра! И куда же это меня, спрашивается, занесло?» Еще несколько камней брошенных дальше и в стороны показали, что скальные отвесы идут далеко и влево и вправо от него, обрываясь на полкилометра вниз. Сергей посмотрел на часы – светящиеся стрелки показывали ровно полночь...

Часть вторая. Шестью часами раньше

Шла вторая половина дня. Узкие тени от лиственниц, растущих разреженными неровными полосами на приречных террасах, постепенно становились длиннее. Августовское солнце, и без того не сильно жаркое, светило, но почти не грело, находясь еще высоко, но собираясь через пару часов скрыться за зубчатыми вершинами Монгулека. Еще стояло лето, а листья дикого крыжовника, чьи редкие невысокие кусты прижимались к скалам у склонов гор, нависающих немислимыми теснинами над узкой долиной Барлыка, уже начали желтеть, предупреждая о скором приходе северных холодных ветров и близости осени. Тропа нырнула в заросшую осокой промоину и круто поднялась по старой морене на десяток метров. Отсюда открылся вид на лагерь. Выцветшие пятна стоящих в ряд палаток светлели на фоне еще зеленого цвета поляны и прилегающих склонов гор, тоже покрытых неплотным, с большими скальными проплешинами, лиственничным лесом. Над банькой, стоявшей отдельно, ближе к реке, вился дымок.

Сергей подтянул ослабшую лямку рюкзака и ускорил шаг в предвкушении простых, но таких приятных удовольствий после дальних выходов: понежиться в тепле на банной полке, похлестать себя веничком, мохнатой вехоткой и горячей водой отшоркать с себя грязь, переодеться в чистое. Потом поесть разных вкусностей, наготовленных к их приходу поварихой, попить крепкого сладкого чаю, вытянуться на раскладной кровати и, наконец-то, выспаться на нормальной постели. «А материал? Что материал, до завтра, что ли, лаборатория не подождет?» Четверо сезонных рабочих, называемых «бичами», двигавшиеся следом за ним, тоже прибавили темп, стараясь не отставать.

Дня три назад по верховьям Барлыка прошел дождь, и пешеходный мостик, который они не так давно на скорую руку соорудили из трех длинных бревен в сужении русла, унесло поднявшейся рекой. Сейчас вода опять спала, и они свободно перебрали на другой берег. Залаяла Чмара – худая и мелкая черно-белая лайка, родившая полмесяца назад щенков под камнем на окраине лагеря. Из кухонной палатки выскочила повариха Наташка, пригляделась и, узнав, радостно кинулась обратно ставить чайник и что-то на скорую руку готовить. Через час, уже по-быстрому отмывшись в банной палатке, надев чистые носки и бельишко, набив желудок, Сергей с удовольствием прихлебывал крепкий чай из эмалированной кружки. Бичи гоготали у речки. Банька располагалась в небольшой брезентовой палатке, париться или мыться там получалось только по одному. Оттуда слышались радостные матерки и хлесткие звуки ударов березового веника по чьей-то мокрой спине. Остальные ждали своей очереди, обсуждая сегодняшний день и предвкушая предстоящую вечернюю выпивку.

Часть третья. Традиции стационара

Работа стационара заключалась в систематическом сборе материала с нескольких удаленных участков и его исследовании на зараженность разными инфекциями, главной из которых являлась чума. Основной трудовой силой были бичи, народ в большинстве не по разу отсидевший, со своеобразными понятиями в общении и жизни. Требовалось каким-то образом разбудить у них интерес к работе, а сделать это, понятно, не так-то просто. Надо придумать что-то, что компенсировало бы изматывающую ежедневную «пахоту», таскание тяжелых рюкзаков по горам или пересечение вброд по пояс рек с ледяной водой. Нужен был какой-то «пряник» или «свет в конце пути».

За несколько сезонов Сергей выработал оптимальную, с его точки зрения, схему распорядка жизни стационара. Две недели народ вкалывал без выходных, с утра до вечера, чаще на значительном удалении от базового лагеря. По возвращении, на середину кухни выставлялась большая (если точно, то тридцать восемь литров) молочная фляга бражки – напиток, пользующегося популярностью у бичей. Бражка к этому сроку получалась отгулявшей, крепкой и прозрачной, даже с легкой кислинкой. Рабочие с вечера пускались в загул, и пили большую часть следующего дня, пока не иссякал источник их удовольствия. Второй выходной день они отлеживались, отпаривались в бане, стирались и приходили в себя. А вечером заправлялась новая фляга браги, куда засыпали восемь килограмм сахара, добавляли сухие дрожжи, и все это заливали подогретой водой.

Наутро народ отправлялся на очередной тур обследования в одну из ближних или дальних долин, где время от времени находили чумной микроб. Примерно пять дней брага «играла», стоя в палатке возле печки. Потом появлялся Сергей, которому приходилось периодически спускаться с гор в лагерь для определения собранных блох и прочих кровососов, снятых с сусликов и выбранных из их гнезд. Прежде чем отнести клеенчатый мешок с материалом

на исследование в лабораторию, находившуюся в трех километрах от них, он спускал флягу в погреб, где она и дозревала, доходя до нужной кондиции к следующему этапу отдыха сезонных рабочих. Такой режим работы устраивал всех. Сергея радовало безотказное трудолюбие бичей; а те готовы были вкалывать, сколько надо и по-полной, зная, что впереди их ждет два выходных, выпивка и расслабуха. Сначала были большие опасения насчет поварихи, но она, тоже разок отсидевшая, оказалась, на редкость стойкой дамой, не позволяющей себе ни глотка без компании.

Часть четвертая. Пропаж

Бичи гомонили в своей десятиместной палатке, расположенной по соседству. Фляга уже стояла в торце длинного деревянного стола, грубо сколоченного из строганных досок и толстых ошкуренных жердей. На газовой плите томился ведерный казан картошки с мясом. На краю стола теснились сдвинутые эмалированные кружки, в одной большой миске находился крупно нарезанный хлеб, только вчера испеченный поварихой, в другой – нарубленные кусками соленые огурцы, засыпанные кольцами ядреного горного лука. Две открытых банки с кабачковой икрой дополняли гастрономические изыски сегодняшнего вечера. К предстоящему празднику души все было подготовлено как надо.

Сергей обошел лагерь – после длительного отсутствия полагалось осмотреть территорию, проверить палатку-склад, лабораторный блок, целость и сохранность подотчетного имущества. Учитывая простоту нравов и традиционный уклад местного населения, совсем не считавшего Восьмую Заповедь обязательной для исполнения, в противочумных отрядах приходилось соблюдать особую бдительность в этом деле.

Вроде, все оказалось на месте и в порядке, но Сергею, тем не менее, было, почему-то, не по себе. Непонятная тревога, время от времени, выползала из глубин подсознания и напоминала о своем существовании. Неожиданно он понял, в чем дело. «Блин, как же я мог забыть-то про это? Память совсем дырявая стала!» Сергей сполоснул под умывальником кружку от чайнок и, поставив ее на стол к остальным. Наталья с нетерпением дожидалась начала торжества, оттого маялась, и то сидела, ерзая на лавке в углу, то неприкаянно, без ясной цели, моталась по кухне.

– Наташ, а где Генка-то? Не вижу его, он что, куда-то ушел? – поинтересовался Сергей.

Она ответила, что, мол, ничего не знает, и техник за все прошедшее время у них в базовом лагере ни разу не появлялся. Это, конечно, была совершенно нежелательная новость. И она сильно меняла весь расклад сегодняшнего вечера.

Часть пятая. Провинившийся Гена

Шесть дней назад Сергей забрал людей с зимовья на Кара-Суге. Все намеченное в долине Эльды-Хема они сделали, но из трех гнезд сулика, которые требовалось выкопать, добыли только одно. План надо выполнять и, поразмыслив, Сергей оставил на зимнике Геннадия, поставив ему задачу без двух хороших гнезд в лагерь не возвращаться. Техник недавно провинился.

Как-то вечером после трудового дня Сергей за ужином сообщил, что у них закончился лук и надо бы, когда будет время, подкопать немного на еду. Дикая лук, удивительно горький на вкус, в изобилии рос здесь повсюду в верхних частях почти всех горных распадков.

Гена тут же добровольно вызвался исправить положение и, взяв большой рюкзак, кайлу, весело насвистывая, бодро пошagal в гору. Как потом выяснилось, он, еще в прошлый сюда выход, тайно замесил и зарыл в землю две трехлитровых банки с бражкой. За месяц на солнечном, хорошо прогреваемом склоне бражка отбродила, выстоялась и набралась нужной крепости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.